

Юрий Иванович Муравьёв впервые подумал о пенсии, когда, вынырнув из непонятной мути, услышал возле себя: «Инфаркт». «Отработался, Муравей», – тревожно шевельнулось в нём. Отчего-то эта мысль была окрашена не его собственным голосом, а подсаженным тенорком товарища по шашкам Камы. Даже оглянуться захотелось: не стоит ли тот в головах? Но силы ещё не пришли, рукой-то пошевелить едва удалось. «Да, отработался, – уточнил он и вроде бы кивнул Каме: – Здорово, мол, приятель». Вот тут и явилось слово «пенсия», пустое, ненужное Юрию Ивановичу слово. Думал, конечно, о старости он и раньше, случалось, но представить себя за столиком для домино – почему-то именно домино лезло в голову при этом – не мог. Работы на его век хватит, здоровья, коль Бог позаботится, не изработать, не пропить. Известные ему недуги – простуду и похмелье – предлагал лечить с помощью лома и лопаты: с потом эти хвори разом отшибает.

Теперь ему пятьдесят пять, в общем, не возраст, и вот – инфаркт, что, по всей вероятности, означает: жить и не работать. То есть – эта самая пенсия... «Какая пенсия, Мураш? – на этот раз явился голос Ждана Кузовлёва, бригадира. – Где ты стаж набирать будешь?..» И то верно, не собирать же ему справки о работе по сёлам, коих проехал он сотню, не меньше. А трудовая книжка затерялась в архивах монтажной конто-

60

ры, откуда Юрий Иванович уволился лет двадцать назад. Стало быть... Вот вам человек, отгадайте его попробуйте. Юрий Иванович почувствовал некоторое, сколь это возможно в его положении, облегчение: стало быть, работать придётся. О том, что может случиться такое – и жить вообще не придётся, мысли не появилось. Живой же!

По дороге из больницы пробовал смеяться: не пить, не курить, соблюдать диету, больше трёх килограммов не поднимать. Вот над этим «не поднимать» прямо-таки помереть можно со смеху. Однако весело смеяться не получилось. Юрий Иванович взобрался на свой пятый этаж, мягко щёлкнул замком и только тут, за собственной дверью, прислушался к сердцу. Молотит!..

Прошёлся по квартире, тронул пыль на книжной полке – Валентина не появлялась. Оно и без того известно – в больнице ни разу не навестила. С этим, похоже, всё... Юрий Иванович подошёл к окну, оглядел пустой двор, лежавший на дне каменного колодца, – и вот тут-то на него накатило: одиночество, пустота в доме и за его пределами, грядущее безделье... Тоска, словом. В больнице он грубовато пошучивал со своими соседями по палате: «У-у, доходяги, вам уже за городской рощей места приготовлены, а вы в очередь за кашей...»

За шутками между тем виделось ему действительное своё преимущество: мужики присогнулись, обвисли, ногами зашаркали, а он и с лица не спал, и живот всё так же тугим бугром выпирает из-под рёбер. Только слева в груди

какая-то тревожная пустота, иной раз опасна бе-рёт: вздохнешь поглубже – и схватит. Он собой почти что гордился – до больницы предполагал, будто инфаркт – это почти что смерть.

И вот же! Радоваться: дома, на свободе! Нет, стало жалко себя. Три килограмма!.. И Бог с нами, он успел уже над этим подумать, сейчас вот только думал. Ребятам нужна его голова, в любую бригаду возьмут, да и Ждан никуда не отпустит. Найдут что по монтажу посложнее: «На, Муравей, кумекай!» И поедет он опять во чисто поле или во зелён лес, подальше от этой каменной ямы!.. Нет, всё не уляжется проклятая жалость, противно ведь – себя жалко! Комок какой-то давит, дышать мешает – и аж вот чуть слеза не лезет. Было похोजее, но тогда он мать хоронил – понятно.

Мужики в палате и впрямь умирать засобирались. Надо сказать, сошлись тут все почти одного возраста, кому под шестьдесят, кому немного за. В других палатах были и постарше, и моложе, были юноши почти... Его ближайшие соседи говорили с полной серьёзностью о необходимости привести в порядок бумаги, переписать на жену или детей дом, машину, погреб, сад – у кого что нажито. Юрий Иванович невольно примерял их заботы на себя – и ничего из этого не выходило. Из добра у него – вот эта единственная квартира, но и её отказать некому. Единственный сын – живой ли? – пропадает в лагерях, у Валентины своя квартира, да и что такое теперь Валентина? Прошлое...

Юрий Иванович обводит взглядом комнату, где всё любовно и с толком обустроено, где одной мягкой мебели на сумму... – у других с нескольких комнат вместе с серебром не собрать... И вот всё это – дяде чужому? Выходило так.

Незадача! Раньше он ушёл бы спастись от тоски в «Берёзку» или соседней бы позвал. И – завейся, горе, верёвочкой («залейся перцовочкой», – переиначивал Юрий Иванович). Соседней позвать – не фокус, и что? Сиди и смотри, как они тут пить-гулять будут? Нет уж, извините! Остаётся одно – четвероногие друзья: диван да телевизор...

А всё-таки на что он жить будет? С последнего калыма ни копейки, на книжке – Юрий Иванович порылся в секретере – сорок три рубля семь копеек. Эх, Валя-Валентина!

Он вернул сберегательную книжку на место и наткнулся на пластиковый пакет со старыми письмами. Самому свежему, наверно, лет около десяти, именно тогда умерла мать и не стало последнего адресата. Писем осталось немного, он

не особенно аккуратно складывал их, да с переездами часть потерялась... Не имея другого занятия, Юрий Иванович вытряхнул содержимое пакета на диван и начал раскладывать письма по порядку, вглядываясь в даты на штемпелях. Некоторые он перечитывал.

Здравствуй, Юра!

Пишем тебе вместе с Мишуткой. Забрала его из яслей, по пути зашли на почту. Он стоит рядом и говорит: «Пиши, чтобы папа приехал». Так что давай скорей. А теперь могу тебя обрадовать.

В начале декабря прилетает Вика с детьми, стало быть, когда приедешь, будет с кем поговорить. Ждём.

Вера.

Как ни поздно женился Юрий Иванович, дом его не притягивал. Да и не было дома-то: у матери поживут, у тещи – и везде теснота. А простору, свободы хотелось – молодой. И он уехал на «выгодную» стройку в Сибирь, не дождавшись, когда жена родит. Не такая уж она и выгодная оказалась, эта стройка, зато на воле, один. Много лет спустя Юрий Иванович сделал для себя такой вывод: жениться надо ни рано, ни поздно, а в самый раз. Но вот тут-то вся трудность – поди угадай.

Юрка, родной мой, здравствуй!

Получила твоё письмо, и сразу как-то теплей стало. Захотелось сесть в самолёт и прилететь хоть на минутку к тебе. Как ты, скучаешь без нас? Мы тебя не забываем, особенно Миша. Он у нас совсем большой. В трамвае всем уступает место, а когда его зовут сесть, с достоинством отвечает: «Я взлохлый, могу постоять». Моя школа! Терпеть не могу детей, которые не успеют войти в трамвай – уже орут, что им сесть надо. Пусть наш малыш будет чутким и добрым.

Какая у вас погода? У нас +10.

Вера.

Впервые своего сына Юрий Иванович увидел двух месяцев от роду – и ничего не почувствовал при том. «Понячусь – почувствую», – успокаивал себя, а сам торопил время, чтобы снова уехать. «А может, вместе уедем?» – проснулся он как-то с новой мыслью, но потыкался по углам тесного жилища – и захотелось уехать опять одному.

Что интересно, расходиться с женой, бросать сына Юрий отнюдь не собирался. Думал: он работает – пусть далеко, работа есть работа, для мужика это главное. Жена тут с сыном и с бабка-

67

ми, благо, обе под боком. С возрастом, когда Юрий Иванович учился задавать себе прямые вопросы и так же прямо на них отвечать, он говорил: «Ох и ловок же ты, брат, себя-то дурить!».

Поздравляем с Новым годом. Пусть этот год принесёт тебе только хорошее. У нас дела неважные, у Мишутки после свинки осложнение на сердце. Очень слабый. Всё ждёт от тебя письмо. Сейчас вот смотрит мультики. Много рисует. Надеюсь, у тебя всё хорошо.

Вера.

Здравствуй, сынок Юра!

Сообщаю, что живу по-старому, работаю обратно в совхозе за бахчу. Так что тебе, верно, придется взять отпуск и приехать помочь реализовать арбузы. Это я тебе дополнительно напишу. Переживаю за тобой. Давала заявку поговорить с тобой на 31, ты не пришёл. Что случилось, не знаю. Была у Мишеньки, его положили в больницу для проверки сердца. Он вырос, читает книги, дед в шахматы запросто обыгрывает. Вспоминает всё время тебя. Если какие трудности у тебя материально, пиши, я помогу. А если трудно вообще, то приезжай домой. Тут найдётся работа, и Мишу будешь воспитывать. Может, ты там голодный сидишь? Обязательно на это письмо давай ответ, буду ждать.

Мама.

Здравствуй, Юра!

Спасибо за поздравление к празднику, мы с мамой были тронуты. А вот поздравление якобы от Мишеньки ты прислал зря. Он умница и сам приготовил нам подарки, весь вечер вырезал и клеил. У него опять пошаливает сердце. Сейчас его обследуют, а потом будут лечить. Не вылечат у нас – повезу в Москву. Он рисует корабли и ракеты, сочиняет музыку на цырушечной гармошке, читает большие книги. Сейчас штудирует Большую советскую энциклопедию. Он всё время ждёт, когда ты приедешь. Я понимаю, что это, наверно, не так просто, поэтому у меня к тебе просьба: пока ему тяжело, хотя бы пиши почаще. Он ждёт твои письма и хранит в отдельной коробочке. Быть может, просьба моя неуклюжая, глупая – не знаю; если тебе это в тягость – не пиши. И не сердись. Я ведь понимаю, тебе не до нас.

Вера.

Юрий Иванович отложил письма, помассировал грудь и пошёл запивать таблетки, купленные в аптеке возле дома.

– У вас платный рецепт, – пояснила девушка из-за стекла.

– А какой же ещё? – удивился он и только на выходе сообразил, в чём дело, и сказал себе, огорчившись: «Ну вот, за ветерана уже могу сходить».

Он вернулся в комнату, прилёг, сдвинув письма на край дивана...

Поначалу Юрий Иванович ездил домой часто – благо отпуска ждать не нужно и отчитываться особенно не перед кем: сдали объект – гуляй. Подолгу, правда, гулять не выходило, бывало, трёх дней не пробудет – телеграмма. Потом всё реже стал ездить... Думал он о доме, о сыне, да как-то в этих думах всё не мог приблизиться к ним. Иногда представлялось Юрию Ивановичу, будто оторвало его на льдине и понесло; он к берегу тянется – а тот всё дальше и дальше. И уже плохо различимы отдельные предметы, и уже туман расстояния всё гуще и гуще... И уже кажется, что это он, Юрий Иванович, остался на материке, а то, уходящее, – льдина, её оторвало и уносит...

Здравствуй, дорогой сыночек Юра!

Пишу тебе во вторник. Большое спасибо, что не забываешь своего отца, он был блестящий воин и отдал свою жизнь за нас. Ездил в гости к Мишеньке, он теперь всё время у той бабушки. Обижается на тебя, что ты не пишешь письма ему. Неужели у тебя нет времени написать своему сыночку? Он даже плачет от обиды, что папа его забыл. Напиши, как у тебя идёт жизнь, я очень переживаю. Всё жду, может, приедешь домой насовсем, ведь Мишеньке нужен папа. Да и мне без родни трудно, даже поделиться не с кем.

Мне опять немного не повезло. С мужем разошлась, уж очень дрался. Приехала к Шуре в гости, немного забыть его и войти в нормальную жизнь. Илья ещё ходит холостой. Погода у нас ветреная.

До свидания. Твоя мама.

Здравствуй, папа Юра!

Пишу тебе от бабушки. Нахожусь на каникулах. Я хотел с бабушкой к тебе в гости, но бабушка не захотела, у нее нет денег. Папа, неужели у тебя денег нет, что ты не приезжаешь ко мне? Если б ты знал, как я соскучился.

Целую. Миша.

Оценки – 5, 4, 3.

Сыну было около года, когда его испугала собака. Юрий Иванович помнит, как приходила баб-

ка, колдовала с водой, шептала что-то, молилась. Запомнилась ему одна фраза: «Успокой, Господи, беспомощную детскую душу». Что-то удивительно трогательное заключалось в этой просьбе к Богу. Успокой, Господи, беспомощную детскую душу! Юрий Иванович до сих пор, вспоминая эти слова, замирает внутренне и будто бы вверх подаётся – навстречу покою. Успокой, Господи, беспомощную детскую душу!..

Юрий Иванович повторял и повторял эту бесполезную сейчас просьбу – и незаметно уснул.

И снится ему, будто бы он... спит. Спит он и, вдруг проснувшись, видит за окном своего сына, Мишеньку. Вернее сказать – одна головёнка виднеется над подоконником, дрожит от напряжения, цепляется подбородком, помогая рукам. Как он там очутился? Пятый этаж, Господи! Мишенька! Он же ходить ещё не умеет! Юрий Иванович бросается к окну, но рама не поддаётся. Малыш за окном уже не в силах держаться, и в огромных глазах его застыла мольба, помертвелые губы повторяют одно и то же: «Папа, папа!».

И тут Юрий Иванович проснулся. То есть это не совсем так, он подлетел к окну с первой командой едва пробуждающегося мозга, а уже здесь, у окна, окончательно проснулся и понял: то был сон. Но как же он испугался! Никогда в жизни не испытывал Юрий Иванович подобного страха, это был какой-то необыкновенный страх, животный... Страх родителя? Откуда ему взяться?.. Юрий Иванович с силой мял грудь, пытаясь подобраться к холодной тревожной пустоте, наполняющейся чем-то колким. Это новое ощущение тоже пугало его, но не так, тот страх куда сильнее...

Дорогой папочка!

Живу я хорошо. Мама собирается защищать диплом. Папа, напиши точно, когда ты приедешь.

Миша.

Здравствуй, сынок!

Я рада, что ты не забываешь, вот посылочку прислал. Была я в гостях у Миши. Вера вышла замуж, родила дочь. Миша остался с её мамой. Как у тебя насчёт времени, когда тебя ждать? Я скучаю. Как у тебя жизнь складывается, как с квартирой? Как получишь – напиши, помогу чем-нибудь. Из того пуха связала себе кофточку, что тебе связать? Думаю, свитер, как в тот раз. Нравится тебе тот свитер или нет? Только я теперь размера не знаю. В этом году я буду до Нового года работать, может случиться прибавка к пенсии.

Жду тебя, сынок.

Как-то Юрий Иванович долго не был, года два, пожалуй. А приехал – как всегда, места себе найти не может: квартирка ещё теснее оказалась против обычного. Тараканы кругом, наглые, среди бела дня шастают. Внизу молочный магазин, с утра до темна машины фыркают, бутылки гремят, да ещё эти твари оттуда лезут. Никакой отравой их не взять.

Юрий Иванович приткнулся на кухне, пепельницу попросил... И дома – не дома, и в гостях – не в гостях, разглядывают, словно чудо какое. Не по себе Юрию Ивановичу.

– Покажи папе, как ты пишешь, – подзывает Вера сына, притихшего в своём углу. – Они теперь сразу в тетрадях в линейку пишут.

Сын положил тетрадку на стол, сам встал рядом с отцом. Юрий Иванович полистал: палочки, кружки, буквы. «Темпы, однако!» – подумал.

– Ты какой предмет больше всего любишь? – спросил он сына.

– Письмо и физкультуру, – тихо ответит тот, – только на физкультуру не пускают.

– Болел, – пояснила жена. – А письмо – не могу заставить правильно держать ручку.

– Мама, я пойду гулять? – спросил сын.

– Холодно, ты ещё не поправился. Вечером стихнет ветер – пойдём гулять все вместе.

– Я поиграть хочу, может, снеговика сделаю, а вместе – ходить опять.

– Сейчас ветер, – вмешался Юрий Иванович. – К вечеру стихнет.

– А когда это – к вечеру?

– Принеси-ка своё октябрьское удостоверение, – переключила разговор Вера. – Их тут на днях принимали.

Сын, вздыхая, принёс, положил рядом с тетрадкой.

– Ну пойду погуляю-у, – протянул он плаксиво.

– Они в продлёнке простывают, – сказала Вера, – там не устроено.

В дверь позвонили. Вера вышла ненадолго, вернулась.

– Володьку Мельникова помнишь? Опять разошёлся. И ничего ему, никакой печали... Приходил, розетку новую обещал поставить. Пол вот поправил. Ему красненькую с огурцом – и всего.

– Да? – возмутился сын. – А два рубля кто содрал?

– Так уж и содрал!

Оживать начал парнишка: подойдёт к матери, ткнётся в живот – и на отца искоса поглядывает.

– Подлиза, – Вера потрепала его по волосам. – Тамарка, соседка, прибегает: «А ваш девчонок больших ловит и целует». Я на него: «Ты

чего это?» «А что, – говорит, – я же не бью их...» – Она помолчала, обдумывая что-то, затем предложила: – Выпьешь?

– Не хочу. – Отказ получился чересчур резким.

– Это хорошо, что не пьяница, – заимствованным тоном промолвил сын.

Юрий Иванович разозлился:

– А ну наливай, за проезд можно.

Вера пошла в комнату, сын – за ней.

– А папа ещё долго пробудет? – услышал Юрий Иванович.

– Миша, напиши мне что-нибудь, – попросил он, пытаясь сгладить впечатление от своей ненужной злости.

– Я люблю фломастером, – с готовностью откликнулся тот.

Он написал на тетрадном листочке: « $2 + 5 = 7$ ». Потом вывел своё имя.

– А предложения вы уже составляете?

Сын написал: «У Лены е...».

– Букву ж мы ещё не проходили...

А на завтра пришла телеграмма, и Юрий Иванович уехал.

Здравствуй, Юра!

С твоего письма поняла, что с Вале́й ты опять не живёшь. И не жале́й. Это и хорошо, что ты разделаешься с ней, ничего хорошего там нет. Находи себе человека, самостоятельную женщину. Или к нам приезжай, хоть для сына поживёшь. С жильём что-нибудь придумаем. Задумайся, у тебя есть сын и мать. Бахчу мою побилó градом, завтра буду подсаживать.

Папа!

Я сдал экзамены в школе, а сейчас хожу на подготовительные курсы в техникум. Теперь я увлекаюсь радиоэлектроникой и фотографией. Я помогаю во всём бабушке. Получил твою посылку, спасибо тебе за неё. Пап, напиши, как ты живёшь.

Здравствуй, Юрий!

У Миши так дела повернулись, что ему негде жить. У Веры десять квадратных метров, её мама хочет продать свой дом. Вызывала меня, предлагала забрать Мишу тебе или мне. Сказала, что Вере он не нужен. Наговорила на Мишу, что пьёт, курит. Я расстроилась, не знаю, что делать. Давай решать с тобой. Закажи переговоры, и мы поговорим обо всём. Если ты Мишу заберёшь, алименты не будешь

слать, а я каждый месяц тебе буду переводить по 50 рублей. Я не могу к тебе приехать до октября.

До свидания.

Сын отказался ехать к отцу. Он даже письма не прислал, передал отказ через бабушку. И как та ни пыталась смягчить слова, Юрий Иванович понял: сын высказался резко. Конечно, надо было самому ехать туда... Потом мать писала, сын бросил техникум...

Юрий Иванович пресной жизни не любил... В городе знают его как крепкого гуляку и головастого инженера. Насчёт инженера – во вторую очередь. Ох и дуrolомили шабашники по возвращении! Юрий Иванович, рассказывают, на спор живого мыша в солонку обмакивал и ел. Другие говорят, будто он закусывал – по спору же – бутербродами с мотылём (приманка такая для рыб, червячки красные). И деталь характерную добавляют: будто бы червячки сползают с куска, а Юрий Иванович их обратно подправляет – и в рот. А спорили-то, говорят, под одеждо: проспори́л – скидывай с себя всё. Дело было якобы в «летучке» – какие рабочих возят – компания мужская... Проспоривший давай упираться: ноябрь на дворе, до дому доедем. А какой с того интерес, если он дома раздеться́ станет? Не-ет! Опять же червяков человек ел, не икру. Словом, содрал с него Юрий Иванович всё до тряпочки – а не спорь! – и выбросил на ходу...

Зайдя однажды в книжный магазин, Юрий Иванович увидел на маленьком сборнике стихотворений знакомую фамилию. Бывало, не раз кто-нибудь из подгулявшей ресторанной братии поэтом себя называл, стихи, случалось, читали, а этот и вправду поэтом оказался. Печатают. Запомнил его почему-то Юрий Иванович, хотя тот стихов в ресторане не читал. Бесприютность его запомнилась.

Дома Юрий Иванович внимательно прочитал сборник. Книжка ему, в общем, понравилась. Она долго лежала на столе, и как-то – случается! – Юрий Иванович, перелистав её в очередной раз, решил найти автора.

Разыскать поэта оказалось делом несложным. Он занимал меньшую из двух комнат в замусоренной квартирке на втором этаже. В соседях у него была бабка – дух один под тёмными складками халата. Когда она выскользнула в прихожую, Юрий Иванович невольно задержал дыхание – до того бестелесным показалось существо. И сам поэт предстал перед ним неизба-

лованным жизнью: худ, плешив, беззуб – а ведь моложе Юрия Иваныча намного.

– Я водки принёс, – так начал Юрий Иваныч.

Поэт пожал плечами и выставил стаканы – всё молча. Выпили так же, без слов. Юрий Иваныч, не видя другого предмета разговора, достал книжку.

– Подпишешь?

Тот взял книжку, раскрывшуюся на зачитанном месте. Внимательно пригляделся к строчкам, вроде чужое увидел, и стал читать.

– Где ты, отец?

Нету отца.

*Карточка есть –
нету лица.*

*Как же ты так,
не по-людски,
бросил меня,
не дал руки?*

*И налегке,
вольный, чужой,
жил – не тужил
с лёгкой душой?*

*Где мне судить:
прав ты, не прав...*

*Пусть почиёт
с миром твой прах.*

Прожил легко.

Умер шутя.

Горе моё.

Злое дитя*.

– Понятно, – сказал, закончив читать.

Выпил – и побледнел вдруг. И так-то не ярок щеками. Юрий Иваныч испугался даже.

– И что вы все ходите?! – с некоторой дрожью заговорил поэт вновь.

Юрий Иваныч не понял.

– Ха! Думаешь, ты первый? Накобелят – и ходят! Я вам что, поп или сам Господь Бог – грехи ваши отпускать? Кретины!

Поэт то ли пьянел на глазах, то ли ему, правда, делалось всё хуже и хуже: он выкрикивал уже совсем несвязное, и пробивалась сквозь его большую ярость не досада, что вот сваливают к его ногам чужие грехи, а что-то своё, тёмное и болезненное.

Юрий Иваныч ушёл не прощаясь под всхлипания и ругань. На душе было погано. Он ругал про себя несчастного поэтишку, но сам понимал: пойман с поличным, чего там... Долго не оседала в душе тяжёлая муть.

...Шли дни. Юрий Иваныч привыкал жить с ограничениями. Делать это было нетрудно: деньги кончились, на чужие никогда не гулял. Да и – по совести – гулять не хотелось. Другое дело – признать эти ограничения на всю оставшуюся жизнь – тут шалишь, тут смертью Юрия Иваныча не напугаешь. Проклятые три килограмма! Появилась неуверенность в себе, боязнь стать обузой бригаде, и он всё тянул с работой. Третьего дня увидел из окна Ждана и Каму, первейших своих напарников, и не стал открывать.

Сама собой незаметно начала заполняться пустота в груди, Юрий Иваныч почувствовал сердце... Уже несколько раз являлся ему во сне сын Михаил – и всё одинаково, всё в том же страшном виде за окном. С той же мольбой во взгляде. То ли дело человек бодрствующий, он всё осмыслит, притерпит к любой неприятности, найдёт объяснение и облегчит себя – а во сне никакой привычки не приходит. И страх каждый раз одинаково лютой, не слабеет. Разум вроде бы и во сне приноравливается, сомнения же мелькают, как это мысль в ничтожную секунду всё схватить может: и про то, что Миша ещё ходить не умеет, и как он там очутился, и даже – почему это Миша нынче такой маленький?.. А сердце не понимает – обрывается и падает. Уже Юрий Иваныч вскочил с постели, уже совсем почти в сознании, но сердце всё падает, да долго так – будто падать ему пять раз по пять этажей...

И только некоторое время спустя медленно, нехотя возвращается и болит на своём законном месте.

Да, Юрий Иваныч узнал, что самый сильный страх бывает во сне, и стал теперь бояться этого страха... Великий реалист, Юрий Иваныч не позволял себе мыслей о каких-то там знаках, о посылках свыше.

Думает Юрий Иваныч о своей отцовской вине, как же... Только по-своему. Он и сам к любви человеческой непривычен. Их, калымщиков, давно ли за уголовников считать перестали? Объект у них примут, рассчитают, поблагодарят, бывает, а в спину одно: «Ворьё!». Надо было связываться с ворьём-то, даже упрашивали, лбы парасшибали...

И другое посмотреть: рядом с ним много семейных? Никого! Одних бросили, другие сами ушли. И живут – судьба такая. «Почти всё в человеке волчье, – думает Юрий Иваныч. – А раскаянье... Это для тех, кто в следующей жизни тёплое местечко отхлопотать хочет. Мне не надо! Мне больше трёх килограммов на топку не бросить!»

65

* Стихотворение Бориса Капустина.

– И как ты, этакий, инфаркт-то заработал? – удивлялись соседи по палате во время открытых разговоров.

– Пил на пустой желудок, – отвечал Юрий Иванович.

...А тем временем по земле гуляла осень, рядная, хмельная, в самой своей роскошной поре – как женщина после первенца.

Юрий Иванович ходил по улицам, смотрел на красоту, которую привык считать лишь удобным временем, чтобы сорвать кусок с заспавшихся хозяйственников. Всё было ново для него, и даже всего только слово «осень» – непривычно волновало. «Жить хочешь!» – говорил он себе с грубоватой нотой...

Всё прозрачно. За сквозящими деревьями виден стадион, обычно закрытый зеленью. Стадион пуст от края до края, лишь сбоку, на бетонной площадке выставляет городки одинокий физкультурник. На нём пиджак поверх спортивного костюма, шляпа. Тень от её полей не даёт разглядеть лицо, но Юрий Иванович догадывается, что человек в возрасте. Движения его неторопливы, каждое будто через думу непростую. «Наш брат, инфарктник», – усмехается Юрий Иванович, и видится ему что-то нехорошее в этом городошнике и в том, что он, Юрий Иванович, подсматривает за ним... «Надо всё-таки идти к бригадиру», – думает.

«Хоть бы кран какой потёк!» – досадует Юрий Иванович на своё отлаженное хозяйство. Посмотрел из окна вниз на усыпанный листьями двор, подумал: «Скоро зима...».

«А хорошо бы камин!» – пришла ему мысль. И до того она показалась заманчивой, что Юрий Иванович начал прикидывать, как расставить мебель, чтобы освободить место. Вот здесь он его сложит, у капитальной стены. Можно специальный кирпич взять у реставраторов, можно изразцами отделать... И что же ему раньше-то в голову не пришло! Юрий Иванович подсел к столу, набросал один вариант, другой, третий, отдельно изобразил художественной ковкой подставку для каминного инструмента...

Разумеется, он понимал, что настоящий камин сделать не удастся – без дымохода топиться не будет. Ну и что! Подсветка, дрова, обогреватель с тэнами – всё это проще пареной репы. А в исключительных случаях можно спиртовочку за-

жечь или какое-то рыбацкое топливо в таблетках. Можно даже кофе сварить на огне – пожалуйста!

Юрий Иванович откинулся от стола, сладко потянулся, мечтая, и прибавил звук в телевизоре. Там исполняли песни по заявкам. Было время местного вещания.

Улыбчивая ведущая сказала:

– Своего отца поздравляет с днём рождения Михаил Юрьевич Муравьёв.

Юрий Иванович сначала будто бы не услышал, но тут на экране появился молодой мужчина, худощавый, насупленный – и он узнал. Сын!

– Здравствуй, отец, – сказал его сын и потерял, куда надо смотреть, забегал глазами.

Юрий Иванович вдавился в экран, стараясь получше разглядеть, но тут же бросился к выходу – бежать, звонить!.. И увидел на себе домашние шлёпанцы: «Не успею!» Пока метался, прослушал, что же сказал сын, а по телевизору уже исполняли песню. «Для меня поют», – сообразил Юрий Иванович и почувствовал, как сразу ослабели ноги.

Он стукнул по ящику:

– Сынок! Ты ошибся, сегодня материн день рождения, Верин!

А в телевизоре пели и улыбались. Юрий Иванович кое-как добрёл до стола, тупо уставился в наброски будущего камина... Сын объявился – это надо как-то освоить, что-то придумать в связи с этим... Он пытался поймать в куче мыслей основную и почему-то больше всего цеплялся за то, что сын ошибся днём рождения. Из этой проклятой ошибки выходило: от матери сыну досталось столько же, сколько от него, от отца. «У меня-то ведь мать была», – подумал он и потом ещё много-много раз повторял про себя это...

...Нет, крепко ещё Юрий Иванович, поживёт. Добрался до соседей сам, попросил сбежать в автомат позвонить. Врачи приехали – удивлялись, как это он в таком состоянии ходит.

Юрий Иванович держался, сознания не терял, и сердце даже не то чтобы очень болело. Только шум в голове сильный, будто трансформатор сварочный там под нагрузкой. А через этот гуд откуда-то издалека пробивался другой звук, странный такой, похожий на плач или мольбу. Не разобрать толком. Звук это и не было, пожалуй. Разве что когда-то, давным-давно, и теперь вот дошло через многократное эхо.

